

Чжуан Сюй ничуть не обиделся на то, что Е Мяннь оттолкнул его. Он просто откинулся на подушку позади себя, но так и не выпустил руку Е Мяння из своей ладони.

— Это люди Благородной супруги Цзя.

— Благородной супруги Цзя? — на лице Е Мяння отразилось крайнее изумление.

— Последние два дня Седьмой принц только и делал, что изводил её просьбами взять тебя к нему в компаньоны по учебе. Вот она снова и загорелась этой мыслью. Но, боясь, что ты слишком близок со мной, она подслала людей проследить за тобой и всё разузнать. Я хотел разобраться с ними ночью, — Чжуан Сюй холодно хмыкнул, — да только эти два идиота увязались за тобой прямо в поместье. Должно быть, их приманило то письмо, которое ты сегодня получил. Решили стащить его и выслужиться перед своей госпожой.

Е Мяннь какое-то время переваривал услышанное, после чего похлопал себя по груди и с облегчением выдохнул:

— Ну и ладно. Главное, что это люди.

Чжуан Сюй промолчал, лишь выразительно приподнял бровь.

— Чего ты так на меня смотришь? Сам ведь знаешь, что я больше всего боюсь всякой чертовщины. Одно дело — просто лишиться головы, и совсем другое — когда тебя пугают до полусмерти.

Чжуан Сюй с обреченным вздохом посмотрел на него:

— У тебя что, совесть нечиста?

Е Мяннь лишь отмахнулся:

— Тебе не понять!

Сам-то Чжуан Сюй ведь никогда не умирал.

Чжуан Сюй покачал головой, словно не зная, с чего начать. Лишь спустя долгое время он посмотрел на него и нравоучительно произнес:

— Неужели Е Цзин никогда не учил тебя тому, что злые люди куда страшнее злобных духов?

Е Мяннь вдруг вспомнил кое-о-чем и спросил:

— И где сейчас эти двое?

— У меня. А что?

— Как ты собираешься с ними поступить?

— А как бы ты хотел? — Чжуан Сюй приподнял бровь, с интересом глядя на него.

— Если я скажу, ты наверняка назовешь меня бабой и размазней. Но ты не должен поступать с ними так же, как в прошлый раз: выкалывать глаза, вырезать языки и выбрасывать трупы, — Е Мяннь потер руки, на которых от одних воспоминаний выступили мурашки. — Это слишком жестоко.

Чжуан Сюй посмотрел на него и вкрадчиво спросил:

— А ты знаешь, как твой брат проводит допросы в Судебном приказе Далисы?

Е Мянью сердито сверкнул глазами:

— Прекрати пытаться рассорить нас с братом.

Его брат носил прозвище Нефритовый Яньло, и Е Мянью прекрасно понимал, что за этим скрывается.

Чжуан Сюй остался недоволен:

— Почему то, что делает Е Цзин, в моем исполнении кажется тебе жестокостью?

Е Мянью приоткрыл рот, но затем честно признался:

— Я просто не могу смириться с тем, что кого-то так наказывают из-за меня.

Чжуан Сюй взглянул на него и помолчал, прежде чем равнодушно произнести:

— Ну и ладно. Но они напугали тебя, так что спустить им это с рук нельзя. Раз так, мы их тоже просто напугаем.

Чжуан Сюй внезапно проявил такую уступчивость, что Е Мянью почувствовал какой-то подвох. Однако в голове у него сегодня царил полный сумбур, поэтому он не стал забивать себе голову лишними мыслями.

— Я должен поблагодарить тебя за то, что произошло сегодня. Но сейчас уже поздно, давай я завтра приду к тебе в академию, и мы всё подробно обсудим, — сказал Е Мянью, потирая виски.

Чжуан Сюй пристально посмотрел ему в лицо и медленно спросил:

— Разве нельзя отблагодарить меня прямо сейчас?

Е Мянью вскинул глаза:

— Глубокая ночь, мы в постели — и как, по-твоему, я должен тебя благодарить? Раздеться и лечь с тобой?

Чжуан Сюй на мгновение опешил, а затем покачал головой и усмехнулся:

— Сразу видно, что вы с Е Цзином родные братья.

Е Мянью пнул его:

— Перестань вынюхивать про моего брата! Не знаю, каким он был в молодости, но если ты еще хоть раз посмеешь заигрывать со мной, как с женщиной, я переломаю тебе твою третью ногу!

Е Мянью грозно сощурился, но Чжуан Сюй лишь понимающе кивнул:

— Когда ты такой, мне даже спокойнее.

Е Мянью не сдержался и снова пнул его, но Чжуан Сюй перехватил его за щиколотку.

— Я не держу тебя за женщину, — он ненадолго задумался, а затем серьезно добавил: — Да и ни одна благородная барышня не сравнится с тобой красотой. Разве они могут стоять с тобой в одном ряду?

Договорив, Чжуан Сюй наклонился и слегка укусил Е Мянэ за подъем стопы, после чего ловко выскользнул из-за полога постели.

— Твои служанки скоро очнутся. Вели им лечь у изножья кровати на скамеечке. Подумаешь, всего лишь две рабыни, нечего их так жалеть.

Место укуса на ноге саднило, и Е Мянэ с шипением принялся его растирать.

Вот же ненормальный, его точно бешеная собака покусала!

Когда Чжуан Сюй ушел, Е Мянэ растолкал спящих крепким сном Баосюэ и Баохэ и велел приготовить ванну.

Увидев, что ночная рубашка Е Мянэ на спине промокла насквозь, а волосы на лбу слиплись от пота, служанки нешуточно перепугались. Е Мянэ отмахнулся, сказав, что ему приснился кошмар. Баохэ тут же подняла остальных слуг, и на маленькой кухне во дворе спешно нагрели воду для купания.

Смыв с себя пот и высушив волосы у окна, Е Мянэ заметил, что на улице уже занимается бледный рассвет. Взглянув на водяные часы, он понял, что может поспать еще с полчаса, зевнул и забрался в постель. Но он и подумать не мог, что, легши, больше не сможет подняться.

То ли ночные тревобления до смерти перепугали его, то ли он простудился, когда, обливаясь холодным потом, полез мыться и сидел у открытого окна под сквозняком, но к утру его тело запылало в лихорадке. Болезнь накатила стремительно и яростно. Когда старшая служанка почуяла неладное и коснулась его лба, тот был уже горячим как огонь.

У Баосюэ и Баохэ от страха подкосились ноги, и они со всех ног бросились в главный двор докладывать о случившемся. К тому времени как перепуганные госпожа Цю и заместитель министра Е примчались на зов, Е Мянэ уже бредил. На зов он не откликался, лишь лежал, тихонько постанывая и бормоча бессвязную чепуху.

— Живо! Сейчас же приведите лекаря Гэ! — истошно закричала госпожа Цю.

Фэнцзинь буквально за рукав приволок лекаря во двор Баофэн. Тот выписал рецепт, больному насильно залили отвар, и только тогда госпожа Цю вспомнила, что нужно навести во дворе Баофэн порядок. Выведав все подробности вчерашнего вечера, она в гневе хлопнула по столу и приказала утащить Баосюэ, Баохэ и Фэнцзиня, чтобы всыпать им плетей. Вместо них она прислала двух старших служанок из главного двора.

Несмотря на лекарство, Е Мянэ продолжал гореть в беспамятстве. Госпожа Цю, утирая слезы, жаловалась поспешившим к ней старой госпоже Е и невестке, госпоже Хэ:

— Ну почему последние два года каждый раз на Праздник Чжунъюань происходит одно и то же? В прошлом году в эту же ночь у него внезапно начался сильный жар, и никакие снадобья не помогали. Матушка, как вы думаете, не прицепилась ли к нашему Мянэ-эру какая-то нечисть?

— Глупости не говори! — мягко прикрикнула старая госпожа Е, но тут же с беспокойством добавила: — А где тот защитный амулет, что выпросили для него сваты? Найдите его и велите повесить у изголовья кровати.

— Да он всё время у него над кроватью висит, — госпожа Цю промокнула уголки глаз платком.

Госпожа Хэ тоже выглядела встревоженной:

— Младшая сестра, не накручивай себя, это наверняка просто совпадение. Сама ведь слышала, что девка рассказала: Мян-эр вчера ночью сильно вспотел, а потом пошел мыться. Ночной воздух холодный, вот его и просквозило. — Госпожа Хэ строго нахмурилась: — Но слуги, что присматривают за нашим мальчиком, и впрямь несносны. Будь на то моя воля, я бы им этого не спустила!

Госпожа Цю холодно хмыкнула и с досадой произнесла:

— Наш Мян-эр слишком добр к прислуге. Я боюсь, что когда он придет в себя, то потребует вернуть их назад. Неужели старшая невестка думает, что иначе я бы пощадила этих девок?

Госпожа Хэ вздохнула и принялась её утешать:

— Твоя правда. Не хватало еще, чтобы он после выздоровления устроил сцену, так ведь и до рецидива недалеко. Пусть сначала поправится, а уж потом мы с ними не торопясь разберемся.

Старая госпожа Е сердито стукнула о пол своим костылем с набалдашником в виде головы оленя и проворчала:

— Эти бездельники служат при нем слишком долго. Решили, раз молодой господин мягок сердцем, им всё сойдет с рук, вот и отлынивают от обязанностей. Посмотрим, как я их в этот раз «пощажу»!

Дежурившие у постели Баонянь и Баоюэ уже побелели от страха, и их руки, которыми они вытирали пот со лба Е Мян, мелко дрожали.

Сам Е Мян, разумеется, не ведал о том, что творится вокруг. Он метался в жару и бредил, пребывая в полузабытьи. В его снах то возникала здешняя Династия Великая Вэнь, то чудился прежний мир. Иногда лихорадка ненадолго отступала, и он пару раз приходил в себя, но сознание оставалось затуманенным: на вопросы он не отвечал, а его собственное бормотание никто не мог разобрать. Из-за этого госпожа Цю пролила немало слез, старая госпожа Е часами молилась в молельне, а заместитель министра Е в тревоге мерил шагами комнату.

Полностью в себя Е Мян пришел лишь два дня спустя. Стоило ему открыть глаза, как он увидел своего старшего брата и невестку. Он попытался позвать их, но из горла не вылетело ни звука.

Е Цзин помог ему приподняться и по капле влил в рот немного медовой воды. Каждое глотательное движение отзывалось невыносимой болью. Кое-как подняв затекшую руку, Е Мян потрогал горло и мысленно вздохнул: ангина разыгралась не на шутку.

Измученный болезнью, Е Мян приник к груди Е Цзина, слабый и поникший, словно побитый морозом цветок — от его прежней живости не осталось и следа. Сердце Е Цзина обливалось кровью от жалости; он бережно обнимал брата и без конца утешал его. Цзян Наньчу торопила слуганок, чтобы те поскорее принесли свежесваренное лекарство, и ложка за ложкой поила

больного.

Хоть сознание и вернулось к Е Мянью, сил у него совсем не было. Е Цзин подоткнул ему одеяло и велел поспать еще немного, но Е Мянью вцепился в рукав брата, не отпуская его, и знаками попросил принести бумагу и кисть.

<http://bllate.org/book/18289/1753885>